

СВОЕЙ ОТВАГОЙ, СВОЕЙ МУКОЙ

И ВНОВЬ ВЫСОЦКИЙ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ

КОГДА смотришь фильм или спектакль, как правило, записываешь в блокнот, пользуясь маленькими паузами, самое важное, то, о чем нужно будет написать в рецензии обязательно. Собираясь на предварительный просмотр телепередачи «Владимир Высоцкий», я заранее вынул блокнот и ручку — приготовился, так сказать. Но уже в самом начале спрятал и то, и другое — невозможно было оторваться от экрана, не было ни малейшей паузы в эмоциональном восприятии. Так и остался мой блокнот пустым, хотя многое очень хотелось записать дословно — но дело все-таки не в цитатах, а в значительности личности Высоцкого, которая буквально обрушилась на нас с экрана в тот вечер.

И вроде бы мы в последнее время уже довольно много узнали о нем — узнали его. Но сколько видится на расстоянии — и как бы ни был нам дорог каждый метр пленки, на которой снят он, каждое его стихотворение (а еще остались непечатанные, не вошедшие в сборники и журнальные подборки), но с течением времени мы все глубже осмысливаем его и его творчество, больше понимаем его, и чем дальше мы отходим от него, тем ближе он становится нам. Все это, разумеется, не уменьшает боли твоей личной потери, даже делает ее острее — но боль эта нужна всем нам, нужно ее пережить и пережить: эта пережитая боль о художнике добавляет нечто существенное к составу твоей личности.

И не только боль о Высоцком — нет, не только. На моей памяти жили и Вахлитов, и Шукшин, и были встречи с ними, но самые главные, нужные встречи отглядывались — все казалось, что вот будет у тебя какое-то по-настоящему важное дело к этому человеку, тогда и подойдешь к нему, а без дела как-то неудобно лезть, отрывать от работы, беспокоить. С Шукшиным я поговорил полтора дня, готовя диалог для одной газеты, — какая-то ниточка протянулась между нами, и думалось: вот поеду к нему летом на съемки, там будет время еще поговорить... А летом что-то помешало, и я успокаивал себя: не последний раз, не последнее лето, съезжу в следующее... А следующее для него оказалось последним. Вот так и живем...

НО В ЭТОМ телефильме большинство людей, говорящих о Высоцком, примерно в таком же положении: не знали его лично, не встречались с ним, вернее, встречались, как все, — на сцене, экране, в концертах. Как и большинство телезри-

телей — те, кто на экране как бы свидетельствует от имени тех, кто смотрит телевизор в этот вечер. С экрана говорит Михаил Ульянов. Он знал Высоцкого ничуть не больше любого из нас, по крайней мере из тех, кто хотел его узнать. Да и говорит он, естественно, не «сверху» (это Ульянову вообще не присуще), а, так сказать, «рядом» — как художник о художнике.

В этот вечер на экране были Булат Окуджава, Вячеслав Кондратьев, наладчик одного из московских заводов Владимир Салапин, космонавт Георгий Гречко, маршал авиации Николай Скомоухов — может быть, я кого-то пропустил. И Марина Влади — она говорила о муже, о любимом, о Володе, говорила с улыбкой кинозвезды, но с подлинной болью, с воспоминанием о счастье, говорила, как бы пытаясь осмыслить, с каким же человеком столкнула ее судьба.

Каждый находил в Высоцком что-то дорогое и нужное для себя. Георгий Гречко сказал, что кассету с песнями Высоцкого он брал с собой в космос. Вячеслав Кондратьев, от которого Высоцкий вроде бы был далек по возрасту и судьбе, услышал в его военных песнях ощущение себя личностью на войне и засвидетельствовал, что так оно и было: такое свидетельство дорого стоит. Маршал Скомоухов вспоминал летчиков военных лет — как же среди них были тем, о которых пел Высоцкий! Гарри Каспаров сказал, что перед очередной матчевой встречей (а сколько их было в последние годы!) он всегда слушал «Коней призердривых»...

А за теми, кто участвовал в передаче, вставали многие, многие — и мы у телевизора яснее, явственнее понимали всеохватность его поэзии. Звучали его песни, его хриплый голос, его неповторимая манера тянуть, удваивая и утраивая согласные, и невольно сопоставлялась со множеством других стихов, написанных в эти же годы. И думалось, что в наше время, в XX веке, поэзия, может быть, и нужна такая — на сжигающем темпераменте, на немислимом душевном взлете, «на разрыв аорты», как писал Мандельштам. Не скажу — только такая, но такая — чужна. Высоцкий своей мукой, своей отвагой, своей горечью, своей саморазрушительностью — достучался до всех сердец.

Впрочем, не до всех. До тех, от кого зависел его выход к людям, — не достучался. Казался слишком резким, слишком откровенным и неудобным. Дважды прозвучали в передаче слова: то, о чем он пел, сегодня можно прочитать в газетах —

так почему же он не имел дисков и публикаций? Боялись — как бы чего не вышло. Большие художники, замечательные люди живут рядом с нами. Они талантливы. Их душа болит за все сущее. Мы, всей нашей кино-, видео-, фонотехникой, не успеваем снять и записать их. И вдруг они безвременно уходят. Потом подбираем сохранившиеся крохи, чтобы рассказать о них. Справедливо ли это? Ведь самих себя обкрадываем...

Вот выяснилось, что не сохранилась видеозапись одной из лучших ролей Высоцкого — Лопухина в «Вишневом саде». Только магнитная пленка, самый верный его друг: можно услышать и вспомнить, как играл он. Прозвучал дважды «Гамлет», стихи Пастернака под его гитару — наверно, репетиционные пробы, и это было прекрасно...

ЛИЧНОСТЬ Владимира Высоцкого не позволяла во время передачи ни на секунду отвлечься от экрана, пел ли он сам или говорили о нем. Кажется, не было времени вздохнуть — такое бывает только при соприкосновении с подлинным искусством. Еще точнее — с человеческой душой, выраженной в искусстве. Когда забываешь о своих профессиональных обязанностях критика, о необходимости что-то разбирать, анализировать, отмечать отдельные недостатки (может быть, они есть и здесь — не знаю, не до того было), когда из всех твоих способностей остается только способность восприятия, и ты смотришь, слушаешь и благодарить свою судьбу за прикосновение к творчеству поэта, певца, актера и горюешь о его судьбе.

А последним словом, прозвучавшим с экрана, было «бессмертие». Слово это было отнесено к Владимиру Высоцкому и не показалось незаслуженным или слишком громким: для нас, сегодняшних, это именно так. Чем сейчас можем мы отблагодарить его? В этот вечер мы прожили с ним больше двух часов. За это время нам открылись новые грани его личности, его таланта.

Режиссер передачи — Андрей Торстенсен. Сценарий написала Наталья Крымова, она же вела эту передачу — как всегда, умно, тактично, интеллигентно и сдержанно. Она не позволяла себе излишних эмоций, оставляя их самому Высоцкому и тем, кто говорил о нем. Только в самом конце, на слове «бессмертие» голос ее чуть дрогнул — и это абсолютно точно совпало с нашим восприятием.

Юлий СМЕЛКОВ.